

ГОЛОС ИЗ ПЕПЛА

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова
ГОЛОС ИЗ ПЕПЛА

«Автор»

2026

Ефимова О.

ГОЛОС ИЗ ПЕПЛА / О. Ефимова — «Автор», 2026

Майор уголовного розыска Дмитрий Воронов умирает на операционном столе. Его сердце останавливается на три минуты, а когда он возвращается к жизни, мир уже никогда не будет прежним. Теперь он слышит голоса мёртвых — они шепчут ему свои последние слова, показывают мгновения собственной гибели, просят о справедливости. Используя свой дар как проклятое оружие, Воронов вместе с напарницей Анной начинает охоту на серийного убийцу. Но чем глубже он погружается в расследование, тем яснее осознаёт: эти убийства — лишь верхушка огромной преступной сети, созданной таинственным «Архитектором» много лет назад. Его отец и дед тоже обладали этим даром и тоже погибли, пытаясь разоблачить «Архитектора». Теперь наследник проклятия должен завершить то, что не смогли его предки. Голоса мёртвых ведут его, тени прошлого настигают, а враг, который всегда был на шаг впереди, уже знает о нём всё. Но Воронов не остановится. Ведь голоса из пепла не умолкают, пока не услышат правду.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть I. Первый шепот.	8
Глава 1. Смерть во сне	8
Глава 2. Новый напарник	14
Глава 3. Шепот в тишине	19
Глава 4. Первое признание.	23
Глава 5. Тайная комната	27
Глава 6. Наследие отца	30
Глава 7. Лицо врага.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Ефимова

ГОЛОС ИЗ ПЕПЛА

Пролог

Операционная была залита белым светом, безжалостным и стерильным, как сама смерть. Дмитрий Воронов лежал на столе, глядя в круглый светильник над собой, и думал о том, как странно пахнет здесь — антисептиком, железом и чужим холодом. Ему было сорок, он был майором уголовного розыска, видел трупы в самых разных состояниях, но сам никогда не лежал под ножом. Аппендицит, который он игнорировал два дня, решил напомнить о себе в самое неподходящее время — в разгар расследования убийства, которое впервые за долгие годы заставило его чувствовать что-то кроме усталости.

— Расслабьтесь, Дмитрий Сергеевич, — сказал анестезиолог, поправляя маску. — Считайте до десяти.

Воронов хмыкнул. Он никогда не умел расслабляться. Даже сейчас, когда его тело было обездвижено, мозг работал как заводной механизм — перебирал улики, имена, алиби. Убийца был где-то рядом, он чувствовал это нутром, тем чутьём, которое не подводило его двадцать лет. Но сейчас это чутьё заглушалось странным беспокойством, почти детским страхом, которого он не испытывал с тех пор, как потерял жену.

— Десять... девять... восемь...

Он закрыл глаза и провалился в темноту.

Она была густой и тёплой, как смола. Воронов не чувствовал тела, не слышал звуков — только эту давящую черноту, которая обволакивала его со всех сторон. Он пытался пошевелиться, но не было ни рук, ни ног, ни даже дыхания. Было только сознание, парившее в пустоте, и странное ощущение, что он не один.

— Ты ещё не готов, — раздался голос. Женский, тихий, почти шепот, но Воронов узнал его мгновенно. Кровь, которой уже не было в его жилах, застыла.

— Ира? — прошептал он, хотя губ у него не было. — Это ты?

Он не мог видеть её, но чувствовал присутствие — то самое тепло, которое она излучала при жизни, запах её волос, шёпот её платья. Ира, его жена, умершая пять лет назад от рака. Она держала его руку в последний день, и он поклялся ей, что будет жить дальше, что не сломается. Он сдержал слово, но внутри себя так и не отпустил её.

— Ты должен вернуться, — сказала она, и голос её звучал откуда-то издалека, как сквозь толщу воды. — Не сейчас. Там твой сын. И там... те, кто ждёт тебя.

— Кто ждёт? — спросил он, пытаясь схватить её голос, удержать в сознании. — Ира, я не понимаю.

Но она исчезла, растворилась, оставив после себя лишь холод. А вместо неё пришли другие голоса — хриплые, надрывные, наполненные болью и страхом. Они звучали одновременно, перекрывая друг друга, и в этой какофонии Воронов улавливал обрывки: «Он ударил меня сзади», «Я не видела лица», «Помогите мне, я здесь», «Они не нашли моё тело». Сотни голосов, тысячи — мужские, женские, детские. Они кружились вокруг него, как стая раненых птиц, и он чувствовал их отчаяние кожей, которой у него больше не было.

— Кто вы? — закричал он, но его крик утонул в их воплях.

И вдруг наступила тишина. Резкая, звенящая, как разбитое стекло. В этой тишине он увидел лицо — искажённое ужасом, с широко раскрытыми глазами, в которых застыл последний вопрос. Женщина, молодая, с тёмными волосами, смотрела прямо на него. Она открыла рот, и он услышал одно слово, чёткое и ледяное:

— Шарф.

А затем его вырвало из темноты с такой силой, что он почувствовал, как рвутся какие-то невидимые нити, связывавшие его с тем миром. Он летел вверх, в слепящий свет, и последнее, что запомнил, — чьи-то холодные пальцы, сжавшие его запястье.

— У него пульс!

— Давление падает, держим!

— Ещё укол, быстро!

Воронов открыл глаза. Над ним склонились три фигуры в зелёных халатах, их лица были скрыты масками, но он видел их глаза — напряжённые, сосредоточенные. Он лежал на операционном столе, а над головой всё так же горела лампа, но теперь свет казался ему не белым, а красноватым, как будто пропитанным кровью.

— Он пришёл в себя, — сказал кто-то. — Дмитрий Сергеевич, вы меня слышите? У вас была аллергическая реакция на анестезию, мы вас реанимировали. Всё позади, вы в безопасности.

Он хотел ответить, но вместо слов из горла вырвался лишь хрип. Грудная клетка болела, будто по ней проехался каток, а в затылке пульсировала острая боль, от которой темнело в глазах. Анестезиолог что-то говорил ещё, но Воронов не слушал. Он пытался осмыслить то, что видел — ту женщину, её слово, голоса. Шарф. Что это значит?

— Воды... — прошептал он, и ему поднесли стакан.

Он сделал глоток, и вдруг услышал его. Шёпот. Тихий, почти неразборчивый, доносящийся откуда-то слева. Он повернул голову — там стоял столик с инструментами, медсестра собирала шприцы. Рядом никого не было. Но шёпот продолжался, тонкий, как струна, и Воронов разобрал слова:

— Шарф... синий... он затянул петлю...

Он зажмурился, тряся головой. Нет. Это бред, последствия анафилактического шока, галлюцинации. Он знал, что бывает после клинической смерти — люди видят свет, ангелов, прошлую жизнь. Но не это. Не голоса, которые говорят о преступлении, о котором он ещё не знает.

— Голова болит, — выдавил он, и медсестра что-то вколола ему в капельницу.

Тьма снова начала затягивать его, но перед тем как провалиться в сон, он успел заметить у края кровати размытый силуэт — женщина в синем, с тёмными волосами. Она смотрела на него с той же мольбой, что и там, в темноте, и беззвучно шевелила губами: «Помоги».

Он хотел спросить её, кто она, но язык не слушался. Тьма поглотила его, и последним, что он услышал, был всё тот же шёпот, но уже откуда-то издалека:

— Ты видишь их теперь. И они увидят тебя.

Когда Воронов очнулся в палате реанимации, за окном был день. Он лежал неподвижно, глядя в белый потолок, и в ушах всё ещё звенела тишина. Но стоило ему закрыть глаза, как перед внутренним взором всплывало лицо той женщины — и холодный, отчётливый шёпот в сознании: «Шарф. Синий шарф. Он затянул петлю».

Он не знал ещё, что через неделю в городском парке найдут тело женщины, задушенной собственным шарфом, и что в его кабинете появится дело с фотографией, на которой он узнает те же глаза, что смотрели на него из тьмы.

Он не знал, что этот шёпот будет преследовать его каждый день, что голоса мёртвых станут его проклятием и его оружием.

Он не знал, что дар, который пробудился в тот момент, когда его сердце остановилось, навсегда изменит его жизнь и приведёт к столкновению с собственной тенью, с прошлым, которое он так тщательно хоронил.

Но что-то внутри него уже знало. И когда он, ещё слабый, приподнялся на локте и увидел в отражении оконного стекла своё бледное лицо с красными глазами, он понял — он больше не тот человек, который лёг на операционный стол. Теперь он слышит их.

Часть I. Первый шепот.

Глава 1. Смерть во сне

Сознание возвращалось медленно, как утренний туман, стелющийся над болотом. Сначала была только боль — тупая, ноющая, сосредоточенная где-то в правом боку, и ещё одна, острая, пульсирующая, которая сверлила затылок, словно кто-то изнутри пытался просверлить черепную коробку. Дмитрий Воронов попытался открыть глаза, но веки казались свинцовыми, приклеенными к глазницам каким-то тягучим клеем. Он слышал звуки — тихое жужжание аппаратуры, далёкие шаги по коридору, приглушённые голоса, но все они доносились как сквозь толщу воды, искажённые и неразборчивые.

Первое, что он почувствовал, был запах. Резкий, стерильный, смешанный с чем-то лекарственным и чуть сладковатым — запах больницы, который он ненавидел всей душой. Он ассоциировался у него с последними днями Иры, когда палата пахла так же, и он сидел у её кровати, сжимая холодную руку, и молился всем богам, в которых не верил. Тогда боги не вняли.

Теперь он лежал здесь сам, и ирония судьбы казалась ему почти издевательской.

— Дмитрий Сергеевич? — голос раздался совсем рядом, и Воронов с усилием разлепил глаза. Над ним склонилась медсестра — молоденькая, с русой косой и веснушками на носу. Она держала в руках планшет и смотрела на него с профессиональным участием. — Вы меня слышите?

Он хотел ответить, но горло пересохло, и вместо слов вырвался лишь сиплый хрип. Медсестра тут же поднесла к его губам стакан с водой, и он жадно сделал несколько глотков, чувствуя, как живительная влага разливается по пищеводу, облегчая сухость.

— Где я? — спросил он, голос его звучал чуждо, слабо, как у старого человека.

— Вы в реанимации, — ответила она, убирая стакан. — Вас перевели из операционной два часа назад. Операция прошла успешно, но у вас случилась анафилактическая реакция на анестезию. Редкое осложнение, но, к счастью, врачи справились.

Воронов нахмурился, пытаясь собрать разрозненные куски памяти. Операция. Аппендицит. Он помнил, как ложился на стол, как анестезиолог что-то говорил, как свет лампы ослепил его. А потом — провал. И там, в этом провале, было что-то важное, что-то, что ускользало от него, как сон после пробуждения. Он помнил голос. Жены. И ещё какие-то голоса. Шёпот. Крики.

— Сколько я спал? — спросил он, пытаясь приподняться на локтях, но тут же ощутил резкую боль в животе и застонал.

— Лежите, не двигайтесь! — строго сказала медсестра, придерживая его за плечо. — Швы свежие, вам нельзя напрягаться. Вы были под наркозом около четырёх часов, потом реанимация. Сейчас утро вторника, операция была вчера вечером.

Вторник. Он попытался вспомнить, что было в понедельник. Последнее, что он помнил из реальности, — это как он сидел в своём кабинете, перебирая материалы по делу об убийстве женщины в парке. Её нашли с синим шарфом на шее, туго затянутым, почти перерезавшим трахею. Улики были скудными — ни свидетелей, ни отпечатков, ни мотивов. Дело зашло в тупик, и он злился на себя за то, что не может найти зацепку. А потом схватило живот, и он, скрипя зубами, вызвал скорую.

Теперь он лежал здесь, беспомощный, прикованный к больничной койке, а убийца всё ещё гулял на свободе. Эта мысль царапнула его изнутри, как заноза.

— Мне нужно позвонить, — сказал он. — Мой телефон...

— Он у вас в тумбочке, но врач запретил вам разговаривать по телефону в ближайшие часы. Вам нужен покой.

— Покой? — усмехнулся он, и усмешка вышла горькой. — Я и так слишком долго отдыхаю. У меня работа.

Медсестра покачала головой, но ничего не сказала. Она проверила капельницу, что-то записала в планшет и вышла, оставив его одного. Воронов проводил её взглядом и уставился в потолок. Белый, идеально чистый, с едва заметными трещинами, расходящимися от центральной люстры. Он считал эти трещины, пытаясь отвлечься от боли и от того странного ощущения, которое никак не покидало его. Ощущение, что он здесь не один.

Он закрыл глаза и прислушался к себе. В ушах стоял лёгкий звон, какой бывает после громкого звука, но внутри, где-то глубоко в черепе, пульсировала странная вибрация. Как будто кто-то настраивал радиоволну, пытаясь поймать несуществующую станцию. И вдруг, среди этого звона, он отчётливо услышал голос. Тонкий, почти детский, но в нём звучала такая боль, что у Воронова перехватило дыхание.

— Он затянул петлю... — прошептал голос. — Я не могла дышать... помогите...

Воронов резко открыл глаза и сел в кровати, забыв о боли. Сердце забилось быстрее, в висках запульсировало. Он оглядел палату — пустые стены, тумбочка, кресло для посетителей, зашторенное окно. Никого. Но голос был таким реальным, таким близким, что он почти чувствовал чьё-то дыхание на своей щеке.

— Кто здесь? — спросил он хрипло.

Тишина. Только жужжание аппаратуры и стук собственного сердца.

Он откинулся на подушку, чувствуя, как колотится пульс в висках. Галлюцинации. Это последствия анафилактического шока и наркоза. Врачи говорили, что такое бывает — нарушение мозгового кровообращения, временные слуховые и зрительные галлюцинации. Он читал об этом, когда Ира болела, и психиатр объяснял ему, что в состоянии стресса и после медикаментозного воздействия мозг может выдавать самые странные картинки. Вот и сейчас — его мозг просто шалит. Но почему именно эти слова? «Затянул петлю» — это же деталь из дела, которое он вёл. Дела об убитой женщине. Его подсознание просто переваривало информацию, и оно не давало ему покоя даже здесь, в больнице.

Но внутри, на самом дне сознания, шевелился холодный червь сомнения. Ведь он никогда не слышал голосов раньше. Даже после смерти Иры, когда он неделями не спал и пил успокоительное, у него не было слуховых галлюцинаций. Только сны. Тяжёлые, чёрные сны, в которых он искал её и не мог найти.

Он попытался встать, чтобы подойти к окну, но боль в животе была слишком сильной, и он снова упал на подушку, выругавшись сквозь зубы. В этот момент дверь открылась, и вошёл врач — высокий, седой, в очках с толстыми линзами. Он держал в руках историю болезни и выглядел так, как выглядят все врачи, привыкшие к тому, что пациенты умирают и воскресают у них на глазах, — устало и сосредоточенно.

— Дмитрий Сергеевич, — сказал он, подходя к кровати. — Я — ваш лечащий врач, Михаил Семёнович. Как вы себя чувствуете?

Воронов посмотрел на него с вызовом. Он не любил врачей, хотя понимал, что они делают своё дело. Не любил их снисходительных улыбок и дежурных фраз. Но сейчас он был в их власти, и это злило его больше всего.

— Жив, — ответил он сухо. — Что произошло? Мне сказали, у меня была аллергическая реакция. Но у меня никогда не было аллергии на наркоты.

Врач сел на кресло рядом с кроватью и посмотрел на него поверх очков. Взгляд у него был внимательным, изучающим — как у патологоанатома, который уже знает диагноз, но хочет услышать версию пациента.

— Анафилактический шок на препараты группы барбитуратов, которые использовались для индукции наркоза. Это крайне редкая реакция — один случай на пятьдесят тысяч. Предугадать её практически невозможно. Ваше сердце остановилось на три минуты, — сказал он спокойно, как будто речь шла о погоде. — Наши реаниматологи сделали всё возможное, чтобы вернуть вас. Вы — счастливчик.

Воронов усмехнулся. «Счастливчик» — это когда у тебя жена умирает от рака в тридцать пять, а ты остаёшься один с тринадцатилетним сыном, который возненавидел весь мир и тебя в частности? «Счастливчик» — когда ты работаешь в полиции двадцать лет и видишь столько дерьма, что нормальные люди сходят с ума? Нет, он был не счастливчиком. Он был просто живучим, как таракан.

— Три минуты, — повторил он. — Это много?

— С точки зрения медицины — критично, но без необратимых последствий, если судить по предварительным данным. Кора головного мозга не пострадала, рефлексы сохранены. Однако, — врач сделал паузу и посмотрел на него ещё пристальнее, — у пациентов, переживших клиническую смерть, иногда наблюдаются посторонние феномены. Субъективные ощущения, видения, слуховые галлюцинации. Это связано с гипоксией мозга и последующей реперфузией. (это восстановление кровотока в тканях или органах, которые ранее подвергались ишемии дефициту кислорода из-за нарушения притока крови). Если у вас возникнут какие-либо необычные ощущения, обязательно сообщите мне.

Воронов нахмурился. Слова врача прозвучали как предупреждение, и он это восстановление кровотока в тканях или органах, которые ранее подвергались ишемии (дефициту кислорода из-за нарушения притока крови почувствовал, как внутри него поднимается волна тревоги. Он уже слышал голос. И этот голос звучал слишком реально, чтобы быть просто плодом гипоксии.

— Что за феномены? — спросил он, стараясь придать голосу равнодушие. — Вроде тех, что описывают люди, побывавшие в коме? Свет в конце тоннеля, ангелы, райские кушчи?

Врач слегка улыбнулся, но улыбка была грустной.

— Бывает по-разному. Кто-то видит умерших родственников, кто-то переживает жизнь заново. Но чаще всего пациенты жалуются на необъяснимые звуки или ощущение чужого присутствия. Некоторые утверждают, что слышат голоса, которые их окликают. Медицина не даёт однозначного объяснения, но считается, что это нейрофизиологический феномен. Он обычно проходит в течение нескольких дней.

«Голоса», — подумал Воронов. — «Он сказал «голоса»».

— Я понял, — ответил он. — Спасибо, доктор. Я буду иметь в виду.

Врач кивнул, сделал несколько пометок в истории и поднялся.

— Отдыхайте. Через два дня мы снимем швы, и, если всё будет хорошо, вас выпишут. Пока никаких нагрузок, никаких волнений. И прошу вас — не пытайтесь заниматься самодиагностикой. Если что-то покажется вам странным, позовите медсестру.

Он вышел, оставив Воронова одного. Тишина в палате сгустилась, и Воронов снова прислушался к себе. Голос стих, но в затылке продолжала пульсировать странная вибрация, словно там, внутри, работал маленький моторчик. Он потрогал затылок — кожа была горячей, и когда он надавил пальцами, боль усилилась. Наверное, последствия отёка мозга, который всегда случается при анафилаксии. Он читал об этом. Всё имеет рациональное объяснение.

Он закрыл глаза и попытался думать о чём-то отвлечённом — о доме, о сыне, о том, что нужно заплатить за коммунальные услуги, о неубранной посуде на кухне. Но мысли упрямо возвращались к голосу и к тем словам: «Он затянул петлю... помогите». Почему именно это? Дело об убитой женщине не давало ему покоя ещё до операции, и теперь, когда его сознание было ослаблено, оно решило сыграть с ним злую шутку.

Он вспомнил ту женщину. Ей было около тридцати, брюнетка, стройная, с ухоженными руками. Её нашли в парке на скамейке, одетой в чёрное пальто, с синим шарфом на шее. Смерть наступила от удушья — не от шарфа, как могло бы показаться, а от того, что убийца использовал шарф, чтобы затянуть петлю и пережать сонную артерию. На её лице было выражение удивления, а не страха — как будто она не ожидала нападения. И ни одной улики. Никаких следов борьбы, никакого ДНК, никаких свидетелей. Просто идеально совершённое убийство, от которого пахло опытом и хладнокровием.

Воронов ненавидел такие дела. Они оставляли чувство бессилия, чувство, что мир несправедлив, что убийца уходит от возмездия, а он, майор полиции, машет кулаками после драки. Начальство уже начинало давить, пресса подогревала интерес, а он всё крутил и крутил материалы, не находя зацепки. И вот теперь он лежит здесь, бесполезный, а убийца, возможно, уже готовит новую жертву.

— Ира, — прошептал он, не открывая глаз. — Если ты там, помоги мне. Дай мне хоть что-то.

В ответ — тишина. Только звон в ушах и ровное гудение аппаратуры.

Внезапно он вспомнил то, что произошло во время операции. Тот тёмный провал, в котором он оказался. Он не мог вспомнить лиц, но голос Иры, её тёплый шёпот — это было так реально, что его сердце сжалось от тоски. Она сказала: «Ты должен вернуться, там твой сын и те, кто ждёт тебя». Что она имела в виду? Кто ждёт его? У него нет никого, кроме сына, который едва разговаривает с ним, и старого друга, с которым он иногда выпивает по пятницам. Ира всегда говорила загадками, даже когда была жива, и теперь, спустя пять лет после её смерти, он всё ещё не мог разгадать её посланий.

Он попытался проанализировать тот момент, но мысли путались, как нитки в запутанном клубке. Он знал только одно — там, во тьме, он был не один. Было много голосов, много людей, которые говорили одновременно, и все они просили о помощи. И тогда он увидел женщину. Ту самую, из парка. Она смотрела на него с мольбой и прошептала: «Шарф».

Воронов открыл глаза и уставился в потолок. Если это была галлюцинация, то почему она была такой чёткой, такой конкретной? Он знал её лицо по протоколу, но там она была мёртвая, с закрытыми глазами. А здесь она смотрела на него, и в её взгляде была жизнь — жизнь, прерванная насильственно, и этот взгляд требовал справедливости.

— Чушь, — сказал он вслух. — Всё это чушь.

Он попытался встать, на этот раз медленнее, опираясь на локти и пережидая острые толчки боли в животе. Ему удалось сесть, свесив ноги с кровати. Пол был холодным, и он почувствовал, как дрожь пробежала по телу. Он посмотрел на свои руки — бледные, с синими прожилками вен, которые обычно были видны, только когда он сильно уставал. Сейчас он выглядел как смертник.

В тумбочке лежал его телефон. Он открыл её и достал аппарат — экран засветился, показывая пропущенные звонки. Десять от Анны Соболевой, его новой напарницы, и три от сына. Сын звонил, наверное, ещё вчера, когда Воронов был в операционной. Он нажал на кнопку вызова и приложил телефон к уху. В трубке раздались длинные гудки, а затем механический голос автоответчика: «Абонент недоступен, оставьте сообщение».

— Павел, это я, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Я в больнице, операция прошла нормально, я скоро буду дома. Перезвони мне, когда сможешь.

Он сбросил вызов и почувствовал пустоту. Сын не отвечал ему уже неделю — с тех пор, как они поссорились из-за того, что Воронов опять опоздал на родительское собрание. Павел учился в девятом классе, был замкнутым и озлобленным, как и сам Воронов в его возрасте. Мать умерла, отец постоянно на работе, и мальчик чувствовал себя никому не нужным. Воро-

нов пытался достучаться до него, но каждый раз утыкался в стену молчания. Они были слишком похожи, чтобы найти общий язык.

Он положил телефон на тумбочку и откинулся на подушку. Боль в животе утихала, но затылок всё ещё пульсировал, и в этой пульсации он снова уловил знакомый шёпот, теперь более настойчивый, более отчётливый:

— Ты должен найти его... он убьёт ещё... шарф... я видела его лицо...

Воронов зажмурился, сжал зубы и прошептал:

— Заткнись. Тебя нет. Ты просто игра моего мозга.

Но шёпот не умолкал. Он становился громче, и в нём слышались теперь не только слова, но и звуки — хруст снега под ногами, шум ветра, тяжёлое дыхание. Прямо здесь, в стерильной палате, он слышал всё это, как будто находился на месте преступления. Он слышал, как женщина говорит: «Что вы делаете? Зачем?» — а затем глухой звук падения и шелест ткани. И снова голос, но уже другой — мужской, низкий, спокойный: «Ты просто была не на том месте».

Воронов открыл глаза, и ему показалось, что в углу палаты, у самого окна, стоит тень. Неясная, колеблющаяся, как дым. Он моргнул — тень исчезла. Но в груди застыл ледяной ком, и он понял, что то, что с ним происходит, не поддаётся простому объяснению. Галлюцинации, конечно, могут быть реалистичными, но не настолько, чтобы включать в себя детали, которых он не знал. Он не слышал хруста снега, не знал, что убийца сказал «ты была не на том месте». В протоколе этого не было.

Он попытался убедить себя, что его мозг просто домысливает сценарий, что он сам, подсознательно, придумал эти детали на основе своего опыта. Но в глубине души он уже знал — это не его воображение. Это что-то другое. Что-то, что началось в тот момент, когда его сердце остановилось.

В палату вошла медсестра с подносом. Она поставила его на тумбочку и улыбнулась.

— Ужин, Дмитрий Сергеевич. Суп-пюре, чай и немного каши. Ешьте, пока тёплое.

Он посмотрел на еду без аппетита, но понимал, что нужно есть, чтобы восстановить силы.

— Спасибо, — выдавил он.

Она ушла, а он взял ложку и начал медленно есть, чувствуя, как горячая жидкость согревает желудок. Вкус был пресным, и он снова вспомнил те дни, когда кормил Иру с ложечки в онкологии. Она улыбалась ему, даже когда боль была невыносимой, и говорила: «Дима, ты справишься без меня. Ты сильный». Он не верил ей тогда, не верит и сейчас. Сильные люди не слышат голосов мёртвых.

После ужина он почувствовал, как его клонит в сон. Действие лекарств было сильным, и он, несмотря на странные ощущения, начал проваливаться в дрёму. Он закрыл глаза, и последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в сон, был тот же шёпот, но теперь уже тихий, почти успокаивающий:

— Ты сможешь нам... ты видишь нас... и мы будем видеть тебя...

Он хотел спросить, кто они, но сознание угасло, и он провалился в темноту, которая была похожа на ту, что он видел во время операции. Но теперь в этой темноте было тепло и спокойно, как в материнской утробе, и он знал, что там, в глубине, кто-то ждёт его.

Спал он без сновидений — или не запомнил их, когда проснулся. Было уже утро, за окном серел рассвет, и в палату проникал бледный свет, смешанный с тенью от деревьев. Он чувствовал себя немного лучше — боль в животе стала тупой и ноющей, а затылок перестал пульсировать. Но странное ощущение чужого присутствия осталось, как остаётся запах дыма в комнате после того, как огонь погашен.

Он сел в кровати, и вдруг увидел, что на тумбочке лежит что-то, чего там не было раньше. Маленький предмет, почти незаметный — синяя нитка, чуть закрученная, похожая на ту, что бывает на шарфах. Воронов замер. Он не знал, откуда она взялась. Никто не мог принести её — медсестры не оставляют мусора, врачи не снимают одежды. Это было невозможно.

Он протянул руку и взял нитку. Она была мягкой, шерстяной, и от неё пахло чем-то терпким, как от осеннего парка. Он сжал её в пальцах, и вдруг в голове пронеслась отчётливая картина: женщина в чёрном пальто, стоящая у скамейки, и мужчина, подходящий к ней сзади. Она обернулась, и на её лице мелькнула тень узнавания. Она знала его. Они были знакомы.

Воронов выронил нитку, и она упала на пол, растворившись в утреннем свете, словно её никогда и не было. Он смотрел на пустой пол и чувствовал, как холодок пробегает по спине. Это не совпадение. Это знак. Или приглашение.

Он взял телефон и набрал номер Анны.

— Соболева, — ответил она после первого гудка. Голос был сонным и встревоженным. — Воронов? Ты живой? Я звонила тебе десять раз!

— Живой, — сказал он, и голос его звучал твёрже, чем он ожидал. — Слушай, мне нужно, чтобы ты взяла дело об убийстве в парке. Женщина с синим шарфом.

Анна помолчала.

— Дима, ты в больнице, тебе нужно отдыхать. Что ты хочешь сделать?

— Я хочу найти её убийцу, — ответил он, и в этих словах он почувствовал нечто большее, чем просто служебный долг. Он чувствовал, что она, та женщина, смотрит на него оттуда, из тени между мирами, и ждёт, ждёт, когда он выполнит своё обещание. — У меня есть зацепка. Она знала его. Это был не случайный маньяк, это кто-то из её окружения.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Анна удивлённо.

Воронов закрыл глаза и прошептал:

— Она сама мне сказала.

В трубке повисла тишина. Анна, вероятно, думала, что он бредит, но Воронов знал — она приедет, она проверит, и тогда всё изменится. Потому что он не мог ошибаться. Теперь у него было оружие, о котором он не просил, и проклятие, которое он должен был нести. Голоса мёртвых стали его реальностью.

Он повесил трубку и посмотрел на окно. За стеклом просыпался город, серый и мокрый от ночного дождя. В этом городе жил убийца, который не знал, что уже попал в поле зрения человека, который может видеть то, чего не видят другие.

Воронов усмехнулся, и в этой усмешке было больше горечи, чем надежды.

— Ну что ж, — сказал он в пустоту. — Похоже, у нас начинается новая игра.

И в ответ на его слова он услышал откуда-то издалека, почти из-за грань слышимости, тихий женский смех — благодарный и одновременно предостерегающий. Смех, который звал его вперёд, туда, где правда была страшнее любой лжи.

Он понял, что больше не сможет смотреть на этот мир так, как раньше. Теперь он видел его насквозь — сквозь пепел, сквозь время, сквозь ту тонкую пелену, что отделяет живых от мёртвых. И он знал, что обратной дороги нет.

Глава 2. Новый напарник

Ночь прошла тяжело. Воронов метался в постели, то проваливаясь в вязкие сны, где он бродил по бесконечному коридору, заставленному старыми шкафами, и слышал за каждой дверью чей-то шёпот, то просыпался от резкой боли в затылке, которая пронзала его насквозь, как раскалённая спица. Он видел лица — мелькали, расплывались, исчезали, и все они смотрели на него с одной и той же немой мольбой. Лицо женщины с синим шарфом возникало чаще других, и каждый раз она открывала рот, чтобы сказать что-то, но звук не доходил до него, словно между ними была стеклянная стена.

Под утро он, наконец, провалился в глубокий сон без сновидений, и проснулся от того, что в палату ворвался солнечный свет. Кто-то раздвинул шторы, и комната наполнилась теплом и пыльными лучами, пляшущими на белых стенах. Воронов прищурился, приподнялся на локтях и увидел медсестру, которая убирала поднос с завтраком.

— Доброе утро, Дмитрий Сергеевич, — сказала она бодро. — Как спалось?

— Как убитому, — буркнул он, садясь. Боль в животе почти прошла, только тянуло при движении, но затылок ныл с новой силой, будто кто-то вчера вбил туда гвоздь. — Мне можно вставать?

— Только в туалет и обратно, — строго ответила медсестра. — Сегодня утром вас осмотрит хирург, решит, когда снимать швы. А пока — покой.

Он проводил её взглядом и остался один. Телефон на тумбочке молчал — ни от Анны, ни от сына. Он взял его, проверил сообщения: Анна написала в шесть утра: «Я приеду к тебе к десяти. Разбуди меня, если что-то случится». Сын молчал. Воронов вздохнул и отложил телефон, чувствуя, как внутри закипает привычная тревога за Павла. Он снова не спросил, как дела у мальчика, не поинтересовался, успевает ли тот к репетитору по математике. Вместо этого он лежал здесь, слушая голоса мёртвых. Отличный отец, нечего сказать.

Он попытался встать, чтобы пройти по палате, но в этот момент в затылке снова запульсировало, и он услышал знакомый шёпот. Теперь он был громче, чётче, и слова складывались в почти связные фразы:

— Она знала его... она видела его раньше... он ждал её у скамейки...

Воронов замер, прислушиваясь. Голос был женским, но теперь к нему примешивался ещё один — мужской, более низкий, но такой же призрачный. Они переговаривались, словно обсуждали что-то, и Воронов улавливал только обрывки.

— Не здесь... не здесь... мы не можем говорить здесь... слишком светло...

— Что вам нужно? — прошептал он в пустоту. — Кто вы?

Но голоса стихли, оставив после себя только тонкий звон в ушах и холод в груди. Он вздохнул, потёр переносицу и попытался сосредоточиться. Если он и правда может слышать их, то нужно научиться управлять этим. Или хотя бы понимать, что они хотят сказать.

В палату вошла Анна. Она была в джинсах и лёгкой куртке, с сумкой через плечо и папкой в руке. Её лицо было озабоченным, а глаза — напряжёнными. Она закрыла за собой дверь и, не здороваясь, подошла к кровати.

— Ты выглядишь как смерть, — сказала она, садясь на стул. — Врачи тебя отпустят?

— Скоро, — ответил он. — Что ты принесла?

Она положила папку на тумбочку и открыла её. Там были фотографии с места преступления, протоколы, схемы. Воронов бегло просмотрел их, но его взгляд задержался на одном снимке — крупный план лица жертвы. Она смотрела в объектив с тем же выражением удивления, которое он запомнил по первому осмотру. Но теперь, в свете того, что он слышал, это выражение казалось ему иным — почти вопрошающим, как будто она хотела спросить: «Почему ты?»

— Её звали Елена Ковальчук, — начала Анна, перелистывая страницы. — Тридцать два года, работает — точнее, работала — в издательстве «Северный ветер», младший редактор. Разведена, детей нет, живёт одна в квартире на Ленинградской. Убита в среду, девятого октября, примерно в девять вечера, в парке имени Кирова. Причина — механическая асфиксия, шарф, затянутый сзади. Никаких следов борьбы, никакого ДНК, камеры в парке не работали — их отключили за месяц до этого на ремонт. Идеальное убийство.

— Я знаю всё это, — сказал Воронов, не отрывая взгляда от фотографии. — Я сам вёл это дело. Но есть кое-что, чего нет в протоколе.

Анна подняла бровь.

— Что именно?

Он помедлил, собираясь с мыслями. Как объяснить ей то, что он слышал, не выглядя при этом сумасшедшим? Но он знал, что другого способа нет. Если они хотят раскрыть это дело, она должна поверить ему.

— Она знала убийцу, — сказал он твёрдо. — Они были знакомы. Он подошёл к ней, она обернулась, и на её лице не было страха, только узнавание. Она сказала: «Что вы делаете? Зачем?» А он ответил: «Ты просто была не на том месте».

Анна уставилась на него, её глаза расширились от изумления.

— Откуда ты это знаешь? Это не было в материалах. Ты не мог этого знать.

— Я знаю, потому что она сама мне это сказала, — ответил он, и голос его дрогнул. Он понимал, как это звучит, и готовился к реакции.

Анна откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и посмотрела на него долгим, изучающим взглядом. Она была молода, но уже успела повидать многое. В её глазах читалась смесь скептицизма и любопытства.

— Дима, я знаю, что у тебя была операция, что у тебя была клиническая смерть. Я понимаю, что после такого бывают странные состояния. Но если ты пытаешься сказать мне, что разговаривал с мёртвой женщиной, я, наверное, попрошу врача проверить твою голову.

— Слушай, — сказал он, подавшись вперёд, несмотря на боль в животе. — Я знаю, что это звучит как бред. Я сам не верю в это. Но я слышу голоса. Не галлюцинации — они звучат внутри, как реальные голоса. И они говорят мне вещи, которых я не мог знать. Просто поверь мне на минуту.

Он рассказал ей всё — о том, что слышал в операционной, о голосе Иры, о женщине с шарфом, которая явилась ему во сне, о синей нитке, которая появилась и исчезла на тумбочке. Он говорил, не останавливаясь, и видел, как лицо Анны меняется — от недоверия к растерянности, от растерянности к задумчивости.

Когда он закончил, в палате повисла тишина. Анна смотрела на него молча, и он не мог прочитать её мысли. Наконец, она сказала:

— Если это не шутка, и ты действительно слышишь голоса... то как мы можем их использовать? Это ведь не надёжный источник. Ты не сможешь привести их в суд.

— Я и не собираюсь, — ответил он. — Но они дают мне направление. Я знаю, что убийца был знаком с ней. Это сужает круг подозреваемых. Мы можем проверить её контакты, коллег, бывших мужей, друзей. Тот, кто ждал её у скамейки, знал, где она будет в тот вечер. Это не случайность.

Анна взяла папку и начала листать страницы, сверяясь с записями.

— Мы уже проверяли круг общения Елены, — сказала она. — Её бывший муж работает в другой области, у него железное алиби. Коллеги тоже не вызывали подозрений, все были на рабочих местах. Никто не видел, чтобы она встречалась с кем-то после работы.

— А что насчёт её редакции? — спросил Воронов. — Она могла встречаться с авторами, с внештатниками. Может быть, у неё был тайный роман или кто-то, кто её преследовал.

Анна нахмурилась и сделала пометку в своём блокноте.

— Мы не углублялись в это. Рассматривали только официальный круг. Хорошо, я свяжусь с её коллегами и попрошу список всех людей, с которыми она встречалась в последние месяцы. Но это займёт время.

— У нас нет времени, — сказал Воронов. — Я чувствую, что он готовит новую жертву. Голоса... они становятся настойчивее. Они говорят, что он не остановится.

Он не сказал, что слышал ещё кое-что — смутный образ мужчины с родинкой на шее, который промелькнул в его сознании, когда он думал об убийце. Это было неясно, как отражение в мутной воде, но он был уверен, что это важная деталь. Он решил пока не говорить об этом Анне — слишком мало информации, чтобы отвлекать её.

— Хорошо, — сказала она, вставая. — Я проверю всё, что можно. А ты отдыхай. Врач сказал, что тебя выпишут послезавтра, если швы заживут хорошо. Тогда и начнём работать.

Она уже взялась за ручку двери, когда Воронов окликнул её:

— Анна, подожди. Мне нужно ещё кое-что попробовать.

Она обернулась. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и попытался мысленно позвать ту женщину. Он сосредоточился на её лице, на образе парка, на звуках, которые он слышал в своих галлюцинациях. Он прошептал про себя: «Я здесь. Я слушаю тебя. Покажи мне, кого ты видела».

И вдруг комната вокруг него изменилась. Свет потускнел, белые стены растворились, и он снова оказался в том сером пространстве, где витал между жизнью и смертью. Перед ним стояла она — Елена, в чёрном пальто, с синим шарфом на шее, который уже был, затянут в тугий узел. Она смотрела на него с той же мольбой, и он слышал её голос, отчётливый и чистый:

— Он был в тёмной куртке... с высоким воротником... я видела его руки, когда он затягивал шарф... на левой руке, у запястья, был след от ожога, старый, как от сигареты... и он пах... одеколоном... резким, как «Советский»...

Она протянула руку, и Воронов увидел, как в её ладони появился образ — мужчина, среднего роста, в тёмной одежде, его лицо было скрыто тенью, но он запомнил родинку на шее, которая выглядывала из-под воротника. И ещё — тусклую серебряную цепочку, которую тот носил, и на которой висел небольшой крестик.

— Кто он? — спросил он, пытаясь разглядеть черты лица. — Я не вижу его лица.

— Он знал меня... но я не знала его настоящего имени... он представлялся как Сергей... Сергей из издательства... он звонил мне несколько раз, предлагал написать книгу... я согласилась встретиться с ним в парке... думала, это будет просто разговор...

Её голос стал затихать, а образ мужчины начал расплываться. Воронов чувствовал, что его сознание слабеет, и видение ускользает. Он сделал последнее усилие, чтобы удержать картинку, и увидел, что на руке убийцы, на запястье, есть заметный шрам — длинный, идущий от края ладони вверх по предплечью.

— Спасибо, — прошептал он, и в этот момент острая боль пронзила его затылок с такой силой, что он вскрикнул и схватился за голову.

Видение исчезло, и он открыл глаза, оказавшись снова в палате. Анна стояла перед ним, держа его за плечи, её лицо было бледным.

— Дима! Что с тобой? Ты побледнел, у тебя кровь из носа пошла!

Он опустил руку и увидел на пальцах тёмные капли. Кровь капала на белоснежную простыню, оставляя алые пятна. В висках стучало, голова кружилась, и он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Я... я видел его, — выдохнул он. — Не лицо, но я видел шрам на руке. И родинку на шее. Он представлялся как Сергей, из издательства, и хотел, чтобы она написала книгу. Найди этого Сергея. Проверь всех мужчин по имени Сергей, которые были связаны с издательством «Северный ветер» в последние полгода.

Анна не стала спорить. Она быстро нажала кнопку вызова медсестры и приложила к его носу салфетку.

— Ложись, не двигайся, — приказала она. — Врач сейчас придёт.

В палату вбежала медсестра, за ней — врач. Они осмотрели Воронова, измерили давление, сделали укол. Боль в затылке постепенно утихла, но слабость осталась. Врач покачал головой и сказал, что это, скорее всего, последствия повышенного внутричерепного давления из-за отёка, и велел ему не перенапрягаться.

Анна стояла в углу и молчала, пока врач не ушёл. Когда медсестра тоже вышла, она подошла к кровати и села на стул, глядя на него с новым выражением — в котором смешались удивление, тревога и, возможно, начало веры.

— Ты это серьёзно? — спросила она тихо. — Ты действительно видел то, о чём говорил?

— Да, — ответил он, чувствуя, как силы покидают его. — Я не знаю, как это работает и почему это происходит со мной. Но я уверен — он был знаком с ней. Он пришёл к ней под видом автора. Она согласилась на встречу, и он убил её.

Анна кивнула, как будто принимая это как новую, хоть и необычную, версию.

— Я проверю, — сказала она. — Сейчас же поеду в издательство и возьму список всех внештатных авторов и контактов, с которыми общалась Елена за последние полгода. Если среди них есть Сергей, мы его найдём. А ты лежи и не смей больше ничего делать, пока я не приеду. Понял?

Он слабо улыбнулся.

— Понял, капитан.

Она вышла, и Воронов остался один. Голова всё ещё болела, но теперь в этом была какая-то странная ясность. Он знал, что сделал шаг вперёд, что дар, каким бы проклятием он ни казался, может стать оружием. Но также он понимал, что каждый такой контакт истощает его, высасывает силы, как вампир. Если он будет так использовать свой дар, он не проживёт и года.

Он закрыл глаза и прислушался к тишине. Голоса стихли, но он чувствовал их присутствие где-то на периферии сознания, как чувствуешь чей-то взгляд в толпе. Они ждали. Много голосов — не только Елены. Были и другие, незнакомые, их было так много, что они сливались в один гулкий шум. Он понял, что это только начало.

Когда он снова открыл глаза, в палате уже было темно. За окном горели огни города, и тишина нарушалась лишь редкими звуками из коридора. Он взял телефон и увидел пропущенный вызов от сына. Сердце ёкнуло. Он нажал кнопку перезвона, и через несколько гудков в трубке раздался глухой голос Павла.

— Пап? — сказал он без интонации.

— Паша, привет, — ответил Воронов, стараясь говорить ровно. — Ты как? Извини, что не позвонил вчера, я был в больнице, операция...

— Я знаю, — перебил сын. — Мне звонила твоя напарница, Соболева. Сказала, что ты выжил. Я... я рад.

Эти слова прозвучали как-то механически, но Воронов знал, что для Павла даже такое признание — уже шаг.

— Я скоро вернусь домой, — сказал он. — Может, на выходных сходим куда-нибудь? В кино?

Сын помолчал.

— Может быть. Ладно, мне надо делать уроки. Поправляйся.

Он положил трубку, не попрощавшись. Воронов посмотрел на погасший экран и почувствовал, как внутри закипает привычная горечь. Но сегодня она была не такой острой. Сегодня он знал, что у него есть цель — поймать убийцу, оправдать доверие Елены, а заодно, возможно, доказать себе, что он всё ещё может быть полезен, даже если мир перевернулся с ног на голову.

Он откинулся на подушку и закрыл глаза, готовясь к новой ночи, полной голосов и теней. Он знал, что они придут снова, и в этот раз он будет слушать их внимательнее. Потому что они — его единственные свидетели, его компас в этом новом, странном мире.

Глава 3. Шепот в тишине

Утро началось с того, что Воронов проснулся от тишины. Впервые за несколько дней в ушах не было звона, не было шёпота, только лёгкий ветерок, влетающий в приоткрытую форточку, и далёкий гул города. Он полежал несколько минут, прислушиваясь к себе, и почувствовал, что боль в затылке почти прошла, сменившись тупой тяжестью, как после долгого сна. Живот ныл, но терпимо.

Врач, зашедший на утренний обход, осмотрел швы, остался доволен и разрешил выписку.

— Швы снимете через неделю у хирурга по месту жительства, — сказал он, заполняя бумаги. — Пока никаких физических нагрузок, диета, исключить острое и жирное. И, Дмитрий Сергеевич, — он посмотрел на него поверх очков, — я бы рекомендовал вам обратиться к неврологу. Те эпизоды, о которых вы упоминали... головные боли, слуховые фантомы... это может быть следствием гипоксии. Лучше перестраховаться.

Воронов кивнул, не вдаваясь в объяснения. Невролог, конечно, не помешает, но вряд ли он сможет объяснить то, что происходило с ним. Это было за пределами медицины.

Через час он уже стоял у выхода из больницы, держа в руке пакет с вещами. Свежий осенний воздух ударил в лицо, и он глубоко вдохнул, чувствуя, как лёгкие наполняются прохладой. Небо было серым, накрапывал мелкий дождь, но для него это было лучше, чем стерильная тишина палаты. Он поймал такси и назвал адрес — своя квартира на окраине города, спальный район с серыми панельными домами и вечно занятыми парковками.

Таксист оказался разговорчивым, но Воронов отвечал односложно, глядя в окно. Город проплывал мимо — мокрые улицы, автобусные остановки, люди с зонтами, спешащие по своим делам. И вдруг он заметил её. Женщину в старомодном пальто, стоящую на углу у светофора. Она не двигалась, не пряталась от дождя, и сквозь её фигуру просвечивал серый асфальт. Воронов замер, вглядываясь. Женщина обернулась, и он увидел её лицо — бледное, с пустыми глазами, которые смотрели прямо на него. Она открыла рот, словно хотела что-то сказать, но такси проехало мимо, и фигура исчезла.

Он резко обернулся, вглядываясь в заднее стекло, но там было пусто. Только мокрый асфальт и лужи. Сердце забило быстрее.

— Что-то случилось? — спросил таксист, заметив его движение.

— Нет, всё нормально, — ответил Воронов, стараясь унять дрожь в голосе. — Просто показалось.

Но он знал, что это не показалось. Это была тень. Дух умершего человека, застрявший между мирами. Он никогда не видел их так отчётливо раньше — только в своих видениях, только в те моменты, когда сам находился в трансе. А теперь они появлялись прямо на улице, среди живых. Это было пугающе и одновременно завораживающе.

Он попытался отвлечься, но по дороге заметил ещё две такие тени — старика на скамейке у остановки и молодого парня с рюкзаком, который стоял у входа в метро. Никто из прохожих не обращал на них внимания. Только он. Он видел их, а они, казалось, чувствовали его взгляд и оборачивались в ответ.

Квартира встретила его запахом пыли и одиночества. Он вошёл в прихожую, повесил куртку и прошёл на кухню. Всё было так же, как он оставил — невытая кружка на столе, раскрытая папка с документами, пустой холодильник. Он поставил чайник, налил воды в чашку и сел за стол, глядя в окно на серый двор.

Из комнаты послышался шум. Воронов насторожился, но тут же расслабился — это был Павел. Сын вышел из своей комнаты, взъерошенный, в старой футболке, и остановился в дверях кухни.

— Пришёл, — сказал он без эмоций, но в голосе чувствовалось облегчение.

— Пришёл, — ответил Воронов. — Как ты?

— Нормально. — Павел подошёл к столу, сел напротив и уставился на отца. — Ты выглядишь хреново.

— Спасибо, обрадовал. — Воронов усмехнулся. — Операция есть операция. Врачи сказали, через неделю буду как новый.

— А то, что у тебя с головой? — спросил Павел, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога. — Анна Соболева сказала, что у тебя были галлюцинации. Ты что, свихнулся?

Воронов помолчал, собираясь с мыслями. Он не хотел врать сыну, но и говорить правду было страшно. Как объяснить подростку, что его отец слышит голоса мёртвых?

— Всё в порядке, Паш. Это побочные эффекты от наркоза. Врачи сказали, что через пару дней пройдёт.

Сын недоверчиво посмотрел на него, но не стал спорить.

— Ладно. Я в школу сегодня не пошёл, сказал, что встречаю тебя. Можешь не благодарить.

— Спасибо, — серьёзно сказал Воронов, и Павел слегка смутился, отводя глаза.

Они помолчали. Чайник закипел, и Воронов налил себе чай, предложил сыну, но тот отказался.

— Я, наверное, пойду к себе, — сказал Павел, вставая. — У меня там домашка.

Он вышел, и Воронов остался один. Он сидел, глядя в кружку с чаем, и чувствовал, как внутри нарастает тревога. Дар не исчез. Он стал только сильнее, проявился в реальном мире, и это означало, что теперь он не сможет спрятаться от него даже в своей квартире.

Он отправился в гостиную, чтобы немного отдохнуть, но едва переступил порог, как почувствовал странный холод. В углу комнаты, у старого книжного шкафа, стояла тень. Неясная, колеблющаяся, как дым. Воронов замер, всматриваясь. Это была женщина, пожилая, в платке, и она смотрела на него с тихой грустью. Он не знал её, никогда не видел раньше.

— Кто вы? — спросил он шёпотом.

Тень качнулась, и до него донёсся слабый голос, похожий на скрип старой двери:

— Я жила здесь до вас... умерла в этой комнате... сердце... никто не пришёл...

Воронов почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил, что квартира досталась ему от предыдущих владельцев, старая женщина, которая жила здесь одна и умерла от сердечного приступа. Её нашли через несколько дней соседи. Он знал эту историю, но никогда не придавал ей значения. А теперь она стояла перед ним и говорила с ним.

— Простите, — сказал он, не зная, что ещё сказать. — Я не знал.

— Ты видишь... — голос становился тише, тень таяла. — Ты видишь всех нас... это тяжело...

Она исчезла, оставив после себя лишь холод и запах старого дерева. Воронов выдохнул и провёл рукой по лицу. Это было слишком. Он не мог даже дома найти покоя.

Он прошёл в спальню, закрыл дверь и лёг на кровать, глядя в потолок. Мысли путались. Как жить с этим? Как не сойти с ума от этого бесконечного шёпота, от этих теней, которые преследуют его повсюду? Ира, его жена, говорила ему, что он сильный. Но сейчас он чувствовал себя самым слабым человеком на земле.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя Анны. Он взял трубку.

— Воронов, ты дома? — спросила она без предисловий. — У меня есть новости.

— Да, я дома, — ответил он, садясь. — Что ты нашла?

— Я была в издательстве «Северный ветер». Поговорила с коллегами Елены. Оказалось, в последние месяцы она часто общалась с внештатным автором по имени Сергей. Он звонил ей, присылал письма, предлагал сотрудничество. Его даже видели у офиса пару раз. Но когда я попросила его контакты, мне сказали, что он перестал выходить на связь примерно за неделю до убийства.

— За неделю? — переспросил Воронов, насторожившись. — А вы выяснили его полные данные?

— Да, — сказала Анна, и голос её стал напряжённым. — Его фамилия — Сергей Владимирович Ткачёв, сорок пять лет, внештатный журналист, писал статьи для нескольких изданий. Я проверила его по базам — он числится пропавшим без вести. Его жена подала заявление десять дней назад.

— Пропал без вести... — Воронов нахмурился. — А где он жил?

— У него квартира на окраине, в Новых Горках. Я уже договорилась с участковым, чтобы открыли дверь. Хочешь поехать со мной?

Воронов почувствовал, как сердце забилось быстрее. Если Сергей Ткачёв был последним, кто контактировал с Еленой, а теперь пропал, это могло быть связано с убийцей. Но также это могло означать, что Сергей и есть убийца и скрывается. Или что он сам стал жертвой.

— Я сейчас не могу ездить, — сказал он, вспомнив о швах. — Но я хочу попробовать кое-что. Скинь мне его фотографию и адрес. Я попытаюсь связаться с ним... через мой способ.

Анна помолчала секунду.

— Ты уверен, что это безопасно? Врачи сказали, что тебе нельзя перенапрягаться.

— Я в порядке, — соврал он. — Скидывай.

Через минуту на его телефон пришло сообщение с фотографией. Мужчина с короткой стрижкой, уставшими глазами, с родинкой на шее, которая выглядывала из-под воротника рубашки. Тот самый шрам на левом запястье был отчётливо виден на фото. Воронов замер. Это был он. Тот самый, кого показывала Елена.

Значит, Сергей был последним, кого она видела перед смертью. Но был ли он убийцей или тоже жертвой? Воронов закрыл глаза и сосредоточился на фотографии, пытаясь мысленно позвать его. Он повторял его имя, представлял его лицо, квартиру, запах. Сначала ничего не происходило, и он уже хотел открыть глаза, как вдруг почувствовал знакомый холод, а затем в сознании вспыхнула картина.

Он стоял в тёмной комнате, захлавленной, с задернутыми шторами. В воздухе пахло пылью и чем-то кислым. Он видел Сергея — тот сидел на стуле, склонив голову, и казался пьяным. Но когда он подошёл ближе, то увидел, что его запястья связаны, а на шее — тёмная полоса, след от верёвки. Он был мёртв. Его убили, так же как Елену, но другим способом.

Голос, глухой и надрывный, раздался в голове:

— Он пришёл ко мне... сказал, что хочет помочь расследовать убийство Елены... я был последним, кто её видел, и он знал это... он хотел замаять следы... он сказал: «Ты не должен был видеть её в тот день»... я не знаю, кто он... он был в капюшоне... но я слышал его голос... хриплый, как у курильщика... и запах... табак и... и одеколон, «Советский»... он знал все детали... он был из полиции...

Воронов открыл глаза, чувствуя, как голова начинает кружиться. Кровь опять закапала из носа, и он прижал ладонь, пытаясь остановить её. Это было слишком. Два контакта за день — это высасывало все силы. Но он получил информацию, которую нужно было проверить.

Он набрал Анну.

— Слушай, — сказал он, стараясь говорить ровно, — Сергей мёртв. Его убили в его же квартире. Я видел это. Он говорил, что убийца был из полиции, что он знал все детали дела. Он хотел замести следы.

— Что? — голос Анны был полон изумления. — Ты уверен? Это большая ответственность — обвинять кого-то из наших.

— Я не обвиняю, я говорю, что так сказал Сергей. Но если это, правда, то убийца может быть среди нас. Проверь квартиру Сергея, как только сможешь. Если там есть следы убийства, мы будем знать, что идём правильным путём.

Анна помолчала.

— Хорошо. Я поеду туда прямо сейчас. А ты отдыхай. Не смей больше ни с кем разговаривать, пока я не приеду. Это приказ.

Она отключилась. Воронов откинулся на подушку и закрыл глаза. В комнате снова было тихо, но он знал, что это лишь затишье перед бурей. Теперь он ввязался в игру, в которой ставкой были жизни. И он не мог остановиться, даже если бы захотел.

За окном темнело, и в полумраке ему снова показалось, что в углу, у книжного шкафа, мелькнула чья-то тень. Но это была уже не та старуха. Кто-то другой, незнакомый, смотрел на него оттуда, из темноты, и в его взгляде читался немой вопрос.

Воронов прошептал в пустоту:

— Я иду. Я найду его. Обещаю.

И тень растворилась, оставив после себя только тихий, почти неслышимый вздох облегчения.

Глава 4. Первое признание.

Анна Соболева не любила мертвецов. Не в том смысле, что боялась их, — она видела трупы в самых разных состояниях, и запах разложения стал для неё почти привычным, как запах кофе по утрам. Она не любила их за то, что они были бесполезны. Мёртвые не дают показаний, не подписывают протоколов, не признаются в содеянном. С ними можно только фотографироваться и отправлять в морг.

Но сейчас, стоя перед дверью квартиры Сергея Ткачёва, в старом панельном доме на окраине города, она впервые задумалась о том, что, возможно, мертвецы могут говорить. Или, по крайней мере, находить способ доносить информацию до живых.

Участковый, низкорослый мужчина с залысынами и вечно уставшими глазами, уже ждал её у подъезда.

— Капитан Соболева? — спросил он, протягивая руку. — Старший лейтенант Громов. Я вам звонил. Жена Ткачёва дала ключи, сказала, что он не отвечает на звонки уже больше недели. Я заходил пару дней назад, но всё было тихо. Думал, может, в запой ушёл, но жена говорит, что он не пьющий.

— Он и не пил, — сказала Анна, проходя в подъезд. — По крайней мере, до недавнего времени. — Она поднялась на третий этаж, чувствуя запах сырости и старой краски. Квартира 34 была в конце коридора, с облупившейся дверью и кнопкой звонка, которая давно не работала.

Громов открыл дверь своим ключом, и они вошли. В прихожей было темно, пахло пылью и чем-то кислым, как от прокисшего молока. Анна включила свет, и они увидели коридор, ведущий в гостиную. Везде был беспорядок — вещи разбросаны, на полу валялись бумаги, в углу стояла пустая бутылка из-под пива. Но странным было то, что беспорядок выглядел неестественным, намеренным — как будто кто-то пытался изобразить бардак, не понимая, как выглядит настоящий хаос.

— Здесь кто-то был, — сказала Анна, оглядываясь. — И этот кто-то пытался создать впечатление, что Ткачёв ушёл в запой и уехал. Но посмотри внимательнее.

Она указала на полку в гостиной, где стояли фотографии в рамках. На одной из них был сам Сергей с женой, на другой — с друзьями на рыбалке. Ни одна фотография не была пыльной, и все стояли ровно, как будто их специально поправили.

— Если бы он уходил в запой, он бы не стал поправлять фотографии, — сказала Анна. — И он бы не выключил свет в ванной, когда уходил. Лампочка остыла, а значит, её выключили недавно.

— Может, он сам всё это сделал, а потом ушёл? — предположил участковый.

— Может, — ответила Анна, но в голосе её звучало сомнение.

Она прошла в спальню. Там было темнее, и пахло ещё сильнее — не кислым, а чем-то сладковатым, чем-то, что она узнала бы из тысячи запахов. Это был запах смерти. Она включила свет и замерла. На кровати лежал Сергей Ткачёв. Его руки были связаны за спиной, на шее — тёмная полоса от верёвки, глаза открыты, но пусты. Он выглядел так, будто его убили как минимум три дня назад.

Анна почувствовала, как внутри всё сжалось. Воронов был прав. Он не ошибся. Это было убийство, и оно было связано с делом Елены Ковальчук. Она подошла ближе, стараясь не дышать, и осмотрела тело. Никаких следов борьбы — значит, убийца либо застал его врасплох, либо Ткачёв знал его и не ожидал нападения. На столе рядом с кроватью лежала папка с бумагами, и Анна взяла её, осторожно перелистывая.

Внутри были материалы по делу об убийстве Елены — копии протоколов, фотографии, схемы. Ткачёв собирал информацию, это было ясно. Но почему? Он был журналистом, он писал статью? Или он пытался найти убийцу сам? Или он был сообщником, а потом его убрали?

Участковый, заглянувший в комнату, побледнел и быстро вышел в коридор, чтобы вызвать подкрепление. Анна осталась одна с телом. Она смотрела на лицо Сергея и чувствовала, как внутри поднимается холодная волна. Воронов сказал, что Ткачёв говорил с ним. Что он сказал, что убийца был из полиции. Если это, правда, то они имеют дело с преступником, который знает их методы, который может быть одним из них.

Она достала телефон и набрала номер Воронова. Он ответил почти сразу, как будто ждал её звонка.

— Он мёртв, — сказала Анна без предисловий. — Ты был прав. Его убили, так же, как Елену, но другим способом. В его квартире есть материалы по делу. Похоже, он расследовал убийство Елены самостоятельно. Зачем ему это было?

Воронов помолчал, и Анна слышала его тяжёлое дыхание.

— Он был последним, кто видел Елену живой, — сказал он, наконец. — Возможно, он знал что-то, что могло вывести на убийцу. Или он пытался шантажировать убийцу. Или он сам боялся, что его убьют, и собирал информацию в качестве страховки. Узнай, когда он начал собирать эти материалы.

— Я проверю, — ответила Анна. — Но есть ещё кое-что. Он сказал тебе, что убийца был из полиции. Это меняет всё, Дима. Если среди нас есть убийца, мы не можем доверять никому. Ты уверен, что он не ошибся?

— Он был уверен до того, как его убили, — сказал Воронов. — Он сказал, что убийца знал все детали дела, мог быть оперативником или следователем. Кто-то, кто имел доступ к материалам. Проверь, кто вёл это дело до нас.

Анна кивнула, хотя он не мог этого видеть.

— Я сделаю это. Но Дима, тебе нужно быть осторожным. Если убийца узнает, что ты можешь общаться с мёртвыми, ты станешь его следующей целью.

— Он уже знает, — тихо ответил Воронов. — Он оставил мне знак в больнице. Эту нитку. Это было предупреждение.

Анна почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Что ты хочешь сказать?

— Он знает, что я вижу их. Он знает, что я могу найти его. Поэтому он будет действовать быстрее. У нас мало времени.

Она сжала телефон в руке и посмотрела на тело Ткачёва. В его глазах застыл последний вопрос, и Анна вдруг поняла, что Воронов, возможно, единственный, кто может услышать этот вопрос.

— Я выясню, кто вёл дело до нас, — сказала она. — И я проверю всех, кто был связан с ним. Ты отдыхай. И, ради бога, не делай ничего, что может привлечь к тебе внимание.

Она повесила трубку и повернулась к выходу, но в этот момент краем глаза заметила движение. Она обернулась — в комнате никого не было, только тело Сергея на кровати. Но ей показалось, что его голова слегка повернулась в её сторону, и на губах застыла тонкая, едва заметная улыбка. Анна сглотнула и быстро вышла, закрыв за собой дверь.

Воронов сидел на кухне, глядя в окно. Дождь усилился, и капли стекали по стеклу, искажая очертания серых домов. Он держал в руках фотографию Сергея Ткачёва, которую ему прислала Анна, и пытался собраться с мыслями. Если убийца действительно был из полиции, то это меняло всё. Это означало, что они имеют дело с человеком, который знает, как заматывать следы, как уходить от ответственности, как оставаться невидимым. И этот человек теперь знал о Воронове.

Он закрыл глаза и попытался прислушаться к голосам. Они стихли, но он чувствовал их присутствие на периферии, как стаю невидимых птиц, кружащих над его головой. Он понял, что они ждут, когда он обратится к ним. Но сегодня он был слишком слаб, чтобы вызывать их.

— Пап, — раздался голос из коридора, и Воронов вздрогнул, открывая глаза.

Павел стоял в дверях, опираясь плечом на косяк. В руках он держал книгу по литературе, и лицо его было напряжённым.

— Ты чего такой бледный? — спросил он. — Опять эти галлюцинации?

Воронов покачал головой.

— Нет, просто думаю о работе. Ты чего хотел?

Павел помялся, потом вздохнул и подошёл к столу, сядя напротив. Положил книгу перед собой, но не открыл её.

— Я слышал, как ты разговаривал с той своей напарницей, — сказал он. — Ты говорил о каком-то убийстве. И про мёртвых. Это правда? Ты можешь их слышать?

Воронов замер. Сын смотрел на него с серьёзным, почти взрослым выражением лица, и в этом взгляде была не только тревога, но и что-то другое — любопытство, как будто он уже знал ответ, но хотел услышать подтверждение.

— Паш, — начал он осторожно, — это сложно объяснить. Это случилось после операции, когда сердце остановилось. Я не знаю, что это такое — дар или проклятие. Но я слышу голоса. Голоса умерших. Они приходят ко мне и говорят о том, что случилось с ними.

Сын не отвел взгляда. Воронов видел, как его пальцы сжались на обложке книги.

— А мама? — спросил он, и голос его дрогнул. — Мама с тобой говорила?

Воронов почувствовал, как внутри сжался ком. Он не хотел говорить об Ире, особенно сейчас, но Павел заслуживал правды.

— Да, — сказал он тихо. — В тот момент, когда я умирал, я слышал её голос. Она сказала, что я должен вернуться ради тебя. И я вернулся.

Павел опустил глаза. На его лице мелькнула тень боли, которую он пытался скрыть.

— Я думал, она забыла нас, — прошептал он. — Что там, на небе, ей всё равно, что происходит здесь.

— Нет, Паша. Она не забыла. Она всегда с нами. И она хотела, чтобы ты знал — она гордится тобой.

Сын поднял глаза, и Воронов увидел в них слёзы, которые тот тщетно пытался сдержать.

— Я хочу помочь тебе, — сказал Павел, и голос его звучал твёрже, чем Воронов ожидал. — Я не знаю, как, но я не хочу, чтобы ты был один. Ты всегда был один, и мама говорила, что это тебя убивает.

Воронов протянул руку и сжал ладонь сына. Она была холодной и чуть дрожала.

— Спасибо, Паша. Но ты не должен в это влезать. Это опасно.

— Я уже влез, — ответил Павел, и в глазах его мелькнула упрямая искра, знакомая Воронову по себе. — Я не могу закрыть глаза на то, что происходит с тобой. Я хочу знать правду.

Воронов вздохнул. Он понимал, что сын не отступится, и, возможно, в этом была его единственная надежда — не быть одному в этом новом, странном мире.

— Хорошо, — сказал он. — Но ты должен обещать мне, что будешь осторожен. Никому не рассказывай о том, что я тебе сказал. Даже своим друзьям. Это может быть опасно для нас обоих.

Павел кивнул.

— Обещаю.

Ночью Воронов не мог уснуть. Он лежал в кровати, глядя в потолок, и прислушивался к звукам квартиры. Где-то в углу спальни слышался тихий шелест, как будто кто-то перелистывал страницы книги. Он не знал, была ли это та старуха или кто-то другой, но он решил не обращать внимания.

Вдруг он почувствовал холод. Не тот, который бывает от сквозняка, а пронизывающий, ледяной холод, который поднимался от пола и окутывал его тело. Он сел на кровати и огляделся. В комнате никого не было, но воздух дрожал, как над горячим асфальтом, и в этой дрожи проступали очертания чьей-то фигуры.

Это была Елена. Она стояла у окна, в своём чёрном пальто, и смотрела на него с той же мольбой. Но сейчас она выглядела иначе — более отчётливой, более реальной, почти живой. Она протянула руку, и в её ладони лежал маленький предмет — ключ, старый, с потёртой головкой.

— Он здесь, — сказала она, и голос её звучал как далёкий звон. — Он следил за мной. Я не знала, но он был всегда рядом. Этот ключ — от его тайника. Он хранил там свои трофеи. Ты должен найти его.

Воронов протянул руку, но его пальцы прошли сквозь ключ, как сквозь туман.

— Где? — спросил он. — Где этот тайник?

— В театре... старом театре на улице Горького... за сценой... там есть комната, которую никто не видит... он оставлял там вещи своих жертв... ты найдёшь его там...

Она начала таять, и Воронов вскочил с кровати, пытаясь удержать её образ.

— Подожди! Как его зовут? Ты знаешь его имя?

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнула боль, смешанная с ужасом.

— Он назвал себя... — прошептала она, и голос её стал тише, — ... Другом.

Она исчезла, оставив после себя только холод и запах старого парка. Воронов стоял посреди комнаты, дрожа от холода и осознания. Он знал, что это не была случайность. Елена пришла к нему, чтобы показать путь. Старый театр, тайная комната, трофеи. Это было следующей зацепкой.

Он взял телефон и набрал Анну, но трубка не отвечала. Он посмотрел на время — было уже за полночь. Он оставил сообщение: «Аня, срочно перезвони. Я знаю, где находится тайник убийцы. Старый театр на улице Горького. Нужно проверить завтра утром».

Он отправил сообщение и сел на кровать, чувствуя, как усталость накатывает на него волной. Но даже сквозь усталость он ощущал странное возбуждение — как будто он был на пороге разгадки. Он знал, что убийца близко, что он оставил следы, которые можно найти. И он был готов идти до конца, даже если это стоило ему жизни.

Он закрыл глаза и почувствовал, как в темноте за его веками проступают новые лица — незнакомые, пустые, смотревшие на него с немой благодарностью. Он понял, что они ждали его долгие годы. И теперь он был их единственной надеждой.

Глава 5. Тайная комната

Воронов не спал до самого утра. Он лежал в кровати, глядя в потолок, и прокручивал в голове слова Елены. Старый театр на улице Горького. Тайная комната за сценой. Трофеи, которые убийца хранил там как доказательства своей власти. Он знал, что это может быть ловушкой — духи не всегда говорят правду, или, по крайней мере, они говорят её так, как видят её сами, искажённую временем и смертью. Но это была единственная зацепка, которая у него была.

Он поднялся с кровати, чувствуя, как ноют швы, и прошёл на кухню. Павел уже сидел за столом с чашкой чая и учебником по алгебре. Увидев отца, он поднял глаза и нахмурился.

— Ты опять не спал, — сказал он, утвердительно, без вопроса. — Я слышал, как ты ходил по комнате.

— Не мог уснуть, — ответил Воронов, наливая себе остывший чай. — Мысли мешали.

— Те самые, с голосами?

Воронов посмотрел на сына. Он не хотел втягивать его в это, но Павел уже знал слишком много, чтобы отмахиваться от него.

— Да, — признался он. — Я получил новую информацию. Нужно проверить одно место сегодня. Я должен встретиться с Анной.

— Я пойду с тобой, — сказал Павел, и голос его не допускал возражений. — Ты сказал, что это опасно. Значит, тебе нужен кто-то, кто прикроет спину.

Воронов хотел возразить, но в глазах сына была та же упрямая решимость, что и у него самого. И он понял, что спорить бесполезно.

— Ладно, — сказал он. — Но ты будешь делать то, что я скажу. Если я скажу оставаться в машине — ты остаёшься в машине. Понял?

— Понял, — кивнул Павел, хотя в его голосе чувствовалось недовольство.

Через час они уже ехали на такси к старому театру. Город просыпался, мокрый от ночного дождя, и солнце пробивалось сквозь серые тучи. Воронов смотрел в окно и снова видел тени — они стояли на углах, у остановок, смотрели на него пустыми глазами и словно ждали. Он привыкал к ним, но каждый раз при виде новой тени внутри что-то сжималось.

На месте их уже ждала Анна. Она стояла у входа в театр, одетая в чёрную куртку и джинсы, с папкой под мышкой. Увидев Павла, она удивлённо подняла бровь, но ничего не сказала.

— Он со мной, — коротко пояснил Воронов. — Рассказывай.

Анна открыла папку и показала ему схему здания.

— Я проверила все данные. Театр закрыт уже пять лет после пожара. Реставрация не проводилась, здание стоит бесхозное. Охраны нет, только старый сторож, который приходит раз в неделю. Проникнуть внутрь несложно. — Она посмотрела на него. — Ты уверен, что нам стоит это делать? Если это ловушка...

— Я уверен, — сказал Воронов. — Елена показала мне этот ключ. Она сказала, что убийца хранит там свои трофеи. Это единственный шанс найти что-то, что свяжет его с преступлениями.

Анна кивнула, и они двинулись к чёрному входу. Замок был старым, но Анна, как оказалось, умела работать с отмычками — навык, который она приобрела ещё в академии. Через несколько минут дверь открылась, и они вошли внутрь.

Театр встретил их запахом плесени, пыли и старого дерева. Свет проникал сквозь грязные окна, разливаясь по залу тусклыми полосами. Зрительный зал был пуст, кресла покрыты чехлами, а на сцене лежали обломки декораций. Воронов остановился, прислушиваясь к

тишине. Она была звенящей, и в этой тишине он снова услышал голоса — они звучали глухо, как из-под земли.

— Она сказала, комната за сценой, — напомнил он. — Нужно найти вход.

Они обошли сцену, заглянули за кулисы и нашли узкий коридор, ведущий вглубь. Стены были обшарпанными, пол скрипел под ногами. В коридоре было несколько дверей, и Воронов остановился у одной из них, чувствуя, как в голове становится холодно.

— Здесь, — сказал он, прикладывая руку к двери. — Я чувствую это.

Анна подошла и попыталась открыть дверь, но она была заперта. Воронов посмотрел на замок и вдруг вспомнил ключ, который показывала Елена. Он не был физическим, но он знал, что ключ должен быть где-то здесь. Он огляделся и заметил в углу старый сундук, заваленный тряпьем.

— Поднимите, — сказал он Павлу, и сын, наклонившись, отодвинул сундук.

Под ним была железная пластина, и на ней лежал старый ключ, покрытый ржавчиной. Воронов поднял его и вставил в замок. Повернул — и замок щёлкнул.

Дверь открылась, и из-за неё пахло холодом и запахом старой крови. Воронов зажёл фонарик на телефоне и осветил комнату.

Это было небольшое помещение, полностью заставленное коробками и полками. Но главное, что бросилось в глаза, — стена, увешанная фотографиями и вещами. Там были женские сумочки, шарфы, часы, украшения, фотографии девушек, которые смотрели с них застывшими, испуганными глазами. Каждая фотография была подписана датой — и даты уходили на двадцать лет назад.

Воронов медленно прошёл по комнате, вглядываясь в лица. Здесь были не только Елена и другие жертвы, о которых он знал. Были те, чьи дела считались пропавшими без вести, те, чьи убийства списали на несчастные случаи. Это была целая коллекция, как у маньяка, который хранит воспоминания о своих победах.

— Боже мой, — прошептала Анна, прикрывая рот рукой. — Сколько же их здесь?

Воронов не ответил. Его внимание привлек один предмет — старый полицейский жетон, лежавший на полке среди женских украшений. Он взял его, и сердце пропустило удар. На жетоне была выгравирована фамилия — «Воронов». И дата — двадцать пять лет назад.

— Это жетон твоего отца, — сказала Анна, подходя ближе. — Я видела такой в его деле. Он пропал после того, как его убили.

Воронов сжал жетон в руке, чувствуя, как холод металла проникает в ладонь. Он знал, что его отец погиб при загадочных обстоятельствах — его нашли мёртвым в машине, с огнестрельным ранением. Дело так и не раскрыли. Но теперь жетон был здесь, в тайной комнате убийцы. Это означало, что убийца, возможно, был причастен к смерти его отца.

— Он знал его, — сказал Воронов, не оборачиваясь. — Убийца знал моего отца. Возможно, он был его коллегой. Или тем, кто убил его.

— Дима, нам нужно вызвать подкрепление, — сказала Анна, доставая телефон. — Это теперь не просто наше расследование, это место преступления, где собрана доказательная база на двадцать лет. Мы должны сохранить всё это.

Воронов кивнул, но его взгляд упал на одну из фотографий. Это была женщина, молодая, с тёмными волосами, в которой он с удивлением узнал... Иру. Его жену. Она была моложе, но её лицо было не спутать ни с кем. Он подошёл ближе, и в голове зашумело. Как его жена оказалась здесь? Это была не она — Ира не была убита, она умерла от рака. Но её лицо было здесь, среди жертв.

— Анна, посмотри, — сказал он, голос его дрожал. — Это же Ира.

Анна подошла, и её лицо побледнело.

— Это не может быть она. Она ведь умерла от болезни, а не была убита.

— Я знаю, — сказал Воронов, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна. — Но почему её фотография здесь? И подписана датой? Эта дата — за три года до её смерти.

Он повернул фотографию и увидел на обороте надпись, сделанную мелким, аккуратным почерком: «Она всё знала. Она пришла ко мне, но я не тронул её. Она была чиста. Наблюдение».

Воронов опустил фотографию, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног. Убийца следил за его женой. Он знал её. Возможно, он преследовал её, а Воронов ничего не подозревал. Мысль о том, что рядом с ним, с его семьёй, всегда находился убийца, вызывала тошноту и холодный страх.

— Пап, — раздался голос Павла, и Воронов обернулся. Сын стоял у дальней стены и держал в руках старую папку. — Здесь письма. Твоему отцу. Они все подписаны одним именем: «Твой друг».

Воронов взял папку и открыл. Внутри лежали письма, адресованные его отцу. В них убийца писал о своём восхищении, о том, как они вместе работают, о том, что они делают важное дело — очищают мир от «неправильных» людей. Он называл себя другом, и в каждом письме была подпись: «Всегда твой друг».

— Он был его напарником, — сказал Воронов, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Кто-то из отдела, кто работал с моим отцом. И он убил его, потому что отец, возможно, хотел остановить его.

В этот момент за спиной послышался звук — скрип половиц. Воронов резко обернулся, но в дверном проёме никого не было. Только тень, которая медленно таяла в полумраке коридора.

— Кто здесь? — спросил он.

Анна направила фонарик в коридор, но там было пусто. Только холодный сквозняк гулял по комнате.

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Мы слишком долго здесь. Если убийца следит за этим местом, он может быть уже рядом.

Воронов не хотел уходить. Он хотел перерыть всё, найти ещё больше улик, понять, кто этот «Друг» и как он связан с его семьёй. Но он знал, что Анна права. Они нашли достаточно, чтобы начать новую линию расследования.

— Хорошо, — сказал он, забирая письма, фотографию Иры и жетон отца. — Мы уходим. Но мы вернёмся сюда с полным составом. И мы найдём его.

Они вышли из театра, оставляя позади тёмные коридоры и комнату, полную призраков прошлого. Воронов чувствовал, как в руке сжимает жетон отца, как если бы он держал его руку, и в этом жесте была не только боль, но и решимость. Он найдёт убийцу. Он сделает это ради отца, ради Елены, ради всех, кто стал жертвой этого «Друга».

По дороге домой он молчал, глядя в окно. Павел сидел рядом, напряжённый, и не задавал вопросов. Анна то и дело поглядывала на него, но тоже молчала. Только когда такси остановилось у дома, она сказала:

— Я завтра приеду, чтобы разобраться всё, что мы нашли. И, Дима, — она положила руку на его плечо, — мы найдём его. Я обещаю.

Воронов кивнул, вышел из машины и направился к подъезду. Павел шёл рядом, и они не говорили друг другу ни слова.

Поднимаясь на лифте, Воронов закрыл глаза и услышал, как в ушах снова зазвучал голос — не женский, не мужской, а какой-то странный, хриплый и тихий, как шёпот из радио:

— Ты близко... он ждёт тебя... он всегда ждал...

Он открыл глаза и увидел в отражении стекла лифта своё бледное лицо с тёмными кругами под глазами. Он знал, что это только начало. И что убийца, этот «Друг», теперь тоже знает, что его нашли. Игра началась по-настоящему.

Глава 6. Наследие отца

Дома Воронов разложил находки на кухонном столе, словно раскладывал пасьянс, от которого зависела его жизнь. Письма, адресованные отцу, фотография Иры, старый полицейский жетон — всё это молчало, но говорило громче любых слов. Он сидел за столом уже час, перечитывая каждое письмо, вглядываясь в почерк, пытаясь уловить в нём что-то знакомое. Но почерк был чужим — аккуратным, каллиграфическим, словно его выводила рука, привыкшая к отчётливости, но не к искренности.

Павел стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку, и молчал. Он уже видел всё это, но сейчас, при дневном свете, находки выглядели иначе — не как улики из старого фильма, а как куски чужой боли, оставленные на столе его отца.

— Пап, — сказал он, наконец, — ты собираешься есть? Ты с утра ничего не ел.

Воронов покачал головой.

— Потом. Мне нужно понять, что здесь написано. Это письма — они как дневник убийцы. Он описывает свои «подвиги» моему отцу, называет его другом. Он восхищается им, говорит о том, как они «чистят мир». И он всегда пишет «мы». — Воронов поднял глаза на сына. — Он считал, что мой отец был его соучастником. Или, по крайней мере, он хотел, чтобы отец им стал.

— Но твой отец не был убийцей, — сказал Павел, и в его голосе прозвучала уверенность, которая удивила Воронова. — Ты сам говорил, что он был честным полицейским.

— Я не знаю, кем он был на самом деле, — ответил Воронов с горечью. — Я знал его только как отца. Он был хорошим отцом. Но работа... он никогда не говорил о работе. Может быть, он скрывал что-то. Может быть, он знал об этом убийце и пытался его остановить. И тогда убийца убил его, чтобы замаять следы.

— Или он был его другом, — тихо сказал Павел. — Настоящим другом. И убийца убил его, потому что он хотел остановиться или выдать его.

Воронов посмотрел на сына с удивлением. Иногда Павел казался ему слишком взрослым для своих лет, и в такие моменты он видел в нём не сына, а самого себя — циничного, рано повзрослевшего, привыкшего видеть в мире больше тени, чем света.

— Может быть, — согласился он. — Единственный способ узнать правду — спросить у того, кто знает.

Он снова закрыл глаза и попытался вызвать дух отца. Он делал это уже несколько раз, но каждый раз сталкивался с пустотой — отец не приходил, словно его не было здесь, в этом мире, или он не хотел говорить. Но сейчас Воронов чувствовал, что всё иначе. В руке он сжимал жетон отца, и этот холодный металл был как мост между ними.

Он сосредоточился на образе отца — высокого, седого, с усталыми глазами, которые всегда смотрели на него с гордостью и печалью. Он вспомнил его голос, его запах — табак и старый одеколон, — его тёплую ладонь, которая лежала на его голове, когда он был маленьким. И вдруг в комнате стало холодно.

— Паша, уйди в свою комнату, — сказал он, не открывая глаз.

— Что? Но я хочу...

— Уйди, — повторил он твёрже.

Сын нехотя вышел, и дверь за ним закрылась. Воронов остался один в тишине, и эта тишина начала наполняться чем-то — звуками, которые не были звуками, образами, которые не были образами. Он чувствовал, как кто-то стоит рядом, и этот кто-то был ему знаком до боли.

Он открыл глаза. В кресле напротив сидел его отец. Не тень, не размытый силуэт, а почти живой человек, с бороздками морщин на лице и серыми, пронизательными глазами. Он был

одет в свою старую форму, которую Воронов помнил по детским фотографиям, и смотрел на сына с той же смесью гордости и печали.

— Привет, сын, — сказал он, и голос его звучал глухо, как из-под воды. — Ты вырос. Я смотрел на тебя все эти годы, но не мог говорить. Ты не был готов.

Воронов почувствовал, как к горлу подступает ком. Он не плакал после смерти отца, даже на похоронах, а сейчас, глядя на его призрачное лицо, он едва сдерживал слёзы.

— Отец, — прошептал он. — Кто убил тебя? Кто этот «Друг»?

Старый Воронов покачал головой.

— Я не знаю его настоящего имени, Дима. Я знал его как коллегу. Мы работали вместе над одним делом — серией убийств, которые он совершал. Я догадался, что это он, но не мог доказать. Он был хитёр, осторожен. Он не оставлял следов. А потом он понял, что я близок к разгадке, и решил замаять следы. — Отец опустил глаза. — Он сказал, что я был его другом, что он не хотел этого делать. Но он сделал. Он выстрелил мне в голову и оставил умирать в машине.

— Почему он не убил тебя сразу? — спросил Воронов, сжимая жетон в руке.

— Потому что он хотел, чтобы я мучился, — сказал отец, и голос его стал тише. — Он хотел, чтобы я знал, что это он, и чтобы я умирал с этим знанием. Он был садистом, Дима. Он получал удовольствие от боли — не только физической, но и моральной.

— Я найду его, — сказал Воронов, и голос его звучал твёрже, чем он ожидал. — Я найду его и остановлю.

Отец посмотрел на него долгим, печальным взглядом.

— Будь осторожен, сын. Он не один. У него есть сообщники, люди, которые прикрывают его. Он долго жил в этой системе, знает всех, знает, как обходить правила. И он знает о тебе. Он знает, что ты можешь видеть нас. Это делает тебя его главной целью.

— Как он узнал? — спросил Воронов.

— Твой дар... он проявился, когда ты умер на операционном столе. Но он знал, что это может случиться. Он следил за тобой, как следил за мной. Он видел, как ты рос, как ты стал полицейским. Он ждал этого дня. И теперь он готов.

Воронов почувствовал, как холод пробежал по спине.

— Он знал, что я могу видеть мёртвых? С самого начала?

— Да, — ответил отец, и его голос стал почти неслышным. — Он знал, что мы — мужчины в нашей семье — имеем этот дар. Мой отец тоже видел их. Он убил моего отца, когда понял, что тот близок к разгадке. Он убил твоего деда, Дима. И теперь он хочет убить тебя.

— Кто он? — почти закричал Воронов, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Скажи мне его имя!

Но отец начал таять, как утренний туман, и его голос стал едва слышным:

— Он работает в отделе... он был моим напарником... он называл себя...

Он исчез, оставив после себя только холод и запах старого табака. Воронов остался один в комнате, сжимая жетон в руке, и чувствовал, как по щеке скатывается слеза.

Он не знал, кто был убийцей, но теперь он знал, что это был кто-то из старого отдела, кто-то, кто работал с его отцом. Он знал, что этот человек убил его деда, его отца и теперь охотится на него. И он знал, что должен остановить его, любой ценой.

Он взял телефон и набрал Анну.

— Аня, мне нужно, чтобы ты проверила всех, кто работал с моим отцом в отделе в то время. Всех, кто был его напарником, кто был рядом с ним. И особенно тех, кто ушёл на пенсию или был уволен за последние двадцать пять лет.

— Я уже начала, — сказала Анна. — Я взяла старые дела и списки сотрудников. Но их много, Дима. Это займёт время.

— У нас нет времени, — ответил он. — Он знает, что я его ищу. Он будет действовать быстро. Найди мне список, и я вычеркну тех, кто точно не подходит.

Он повесил трубку и подошёл к окну. За стеклом виднелся серый город, мокрый от дождя, и в этом городе прятался убийца, который убил его семью. Воронов смотрел на улицу и вдруг заметил фигуру, стоящую у подъезда напротив. Она была в тёмном плаще, с капюшоном, и казалась просто прохожим, укрывающимся от дождя. Но что-то в этой фигуре было странное — она не двигалась, не пыталась уйти, просто стояла и смотрела на его окно.

Воронов взял бинокль и всмотрелся. Под капюшоном он увидел лицо — мужское, незнакомое, с жёсткими чертами и глазами, которые смотрели прямо на него. И на шее, едва заметная, была родинка. Та самая родинка, которую он видел в видении Елены.

Он отшатнулся от окна, и сердце забилося быстрее. Убийца стоял у его дома. Он следил за ним. Он знал, где он живёт.

Воронов быстро набрал Анну.

— Он здесь, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Убийца. Он стоит у моего подъезда. Я видел его. Родинка на шее, тёмный плащ.

— Оставайся в квартире, — приказала Анна. — Не выходи. Я выезжаю.

Воронов подошёл к входной двери и запер её на все замки. Затем вернулся к окну — фигура исчезла. На месте, где она стояла, была только лужа и мокрый асфальт.

Он опустил бинокль и почувствовал, как дрожат руки. Убийца был рядом, и он знал, что Воронов видит его. Это была не просто угроза — это был вызов. Он хотел, чтобы Воронов знал, что он рядом, что он может добраться до него в любой момент.

Воронов сжал кулаки и прошептал в пустоту:

— Ты выбрал не ту жертву. Я найду тебя. Я уничтожу тебя.

И в ответ он услышал тихий смех, который доносился откуда-то из глубины квартиры — холодный, злой, ликующий. Смех убийцы, который знал, что игра только начинается.

Глава 7. Лицо врага.

Анна ворвалась в квартиру через пятнадцать минут, тяжело дыша и держа пистолет наготове. Она быстро обошла все комнаты, заглянула в шкафы, под кровать, на балкон, — только убедившись, что в квартире никого нет, она убрала оружие в кобуру и повернулась к Воронову.

— Ты его видел? — спросила она, присаживаясь на край стула. — Лицо?

— Только мельком, — ответил Воронов, стоя у окна и вглядываясь в темноту двора. Фигура не вернулась, но он чувствовал, что убийца где-то рядом, наблюдает, ждёт. — Но я видел родинку на шее. Ту самую, которую показывала Елена. Это он, Аня. Без сомнения.

— Почему он не попытался войти? — спросила Анна, наливая себе воды из кухонного крана. — Он мог бы попытаться...

— Он не хочет убивать меня так просто, — перебил Воронов. — Он хочет, чтобы я знал, что он рядом. Чтобы я боялся. Это его игра. Он убил моего деда, он убил моего отца, и теперь он хочет убить меня. Но не сразу. Сначала он будет мучить меня, заставляя ждать, чувствовать страх.

Он повернулся к Анне, и в глазах его горел холодный, твёрдый огонь.

— У тебя есть список?

Анна кивнула, доставая из сумки несколько распечатанных листов.

— Я взяла все дела отдела, где работал твой отец, за период с девяносто четвёртого по девяносто девятый годы. Всего там числилось сорок два сотрудника. Я уже вычеркнула тех, кто умер, кто уехал из города, кто был осуждён за другие преступления или имеет железное алиби. Осталось пять человек.

Она разложила листы на столе, и Воронов подошёл ближе, вглядываясь в фамилии и фотографии. Пятеро мужчин, все в возрасте за шестьдесят, все бывшие полицейские. Он знал некоторых — они приходили на похороны отца, жали ему руку и говорили дежурные слова. Но среди них был тот, кто убил его отца, кто убил его деда, кто охотился на него самого.

— Эти пятеро всё ещё живут в городе, — сказала Анна. — Все на пенсии. У всех есть семьи, дети, внуки. Но один из них — убийца.

— Откуда ты знаешь, что это один из них? — спросил Воронов, не отрываясь от фотографий.

— Метод исключения, — ответила Анна. — Я проверила всех, кто имел доступ к материалам дела Елены и Ткачёва. Только эти пять человек могли знать детали, которые не были опубликованы. И только они могли быть «Другом», которого описывал твой отец.

Воронов взял одну из фотографий — мужчина с седыми волосами, пронзительными голубыми глазами и волевым подбородком. Он выглядел как типичный полицейский старой закалки, и Воронов помнил его — майор Дубровин, он приходил на поминки, был трезв и серьёзен, сказал тогда: «Твой отец был хорошим человеком. Мы будем скучать по нему».

— Дубровин, — сказал Воронов, и голос его дрогнул. — Он был напарником моего отца в девяносто седьмом. Они вместе работали над делом о серийных убийствах. Отец говорил о нём с уважением.

— Дубровин ушёл на пенсию через год после смерти твоего отца, — сказала Анна, сверившись с документами. — По состоянию здоровья. Получил травму ноги при задержании, с тех пор хромает.

Воронов замер. Хромает. Он вспомнил, что в видении, когда Елена показывала ему убийцу, мужчина стоял на одной ноге, перенеся вес на другую. Он не придавал этому значения, но теперь это казалось важным.

— Он хромает на правую ногу? — спросил он.

Анна удивлённо подняла бровь.

— Да. Откуда ты знаешь?

— Я видел это в видении, — ответил Воронов. — Он стоял, перенеся вес на левую ногу. Это была деталь, которую я не понял тогда. А теперь — это ключ.

Он взял фотографию Дубровина и посмотрел на неё в упор. Мужчина на снимке смотрел на него с едва заметной улыбкой, и в этой улыбке было что-то, что заставило Воронова похолодеть. Он вдруг понял, что Дубровин всегда смотрел на него так — с лёгкой насмешкой, как будто знал что-то, чего не знали другие.

— Он всегда был рядом, — сказал Воронов. — На похоронах отца, на моём выпуске из академии, когда я получал первое звание. Он был там. Он наблюдал.

— Ты думаешь, это он? — спросила Анна. — Мы не можем действовать на основе видения и догадок, нам нужны доказательства.

— Тогда мы их получим, — сказал Воронов. — Я поеду к нему. Прямо сейчас.

— Дима, ты с ума сошёл? — Анна вскочила. — Если это он, он убьёт тебя! Ты сам сказал, что он убил твоего деда и отца!

— Если это он, он ждал этого момента двадцать пять лет, — ответил Воронов, надевая куртку. — И я не собираюсь прятаться от него в своей квартире. Я пойду к нему и выведу его на чистую воду.

— Я поеду с тобой, — сказала Анна, хватая пистолет.

— Нет, — твёрдо сказал Воронов. — Ты останешься здесь и будешь прикрывать меня по телефону. Если я не выйду на связь в течение двух часов, вызывай подкрепление и ломись в его дом. А пока — я должен сделать это сам.

Она хотела возразить, но в глазах Воронова была такая решимость, что она поняла — спорить бесполезно.

— Только по телефону, — сказала она. — И не вздумай геройствовать. Если что-то пойдёт не так, ты сразу выходишь и ждёшь меня.

Воронов кивнул и направился к двери. В коридоре он столкнулся с Павлом, который стоял у своей комнаты и смотрел на отца с тревогой.

— Ты куда? — спросил сын.

— По делу, — коротко ответил Воронов. — Оставайся с Анной и не выходи из квартиры.

— Пап, — сказал Павел, и голос его был твёрже, чем Воронов привык слышать. — Будь осторожен. Я не хочу потерять и тебя.

Воронов на мгновение задержался, посмотрел на сына и вдруг понял, что Павел стал для него не просто ребёнком, а почти взрослым человеком, который разделяет его ношу.

— Не потеряешь, — сказал он, сжимая плечо сына. — Обещаю.

Дом Дубровина находился в старом районе, где ещё сохранились частные дома с садами и высокими заборами. Воронов подъехал к калитке и остановился, вглядываясь в тёмные окна двухэтажного дома. Где-то внутри горел слабый свет, и было слышно, как работает телевизор.

Он нажал на кнопку звонка, и через минуту в динамике раздался хриплый голос:

— Кто там?

— Дубровин, это Воронов, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Сын Сергея Воронова. Мне нужно с вами поговорить.

В динамике повисла тишина, а затем раздался щелчок — дверь открылась. Воронов толкнул калитку и прошёл во двор, чувствуя, как сердце бьётся в груди как бешеное. Он знал, что может не выйти отсюда, но это был единственный путь.

Он вошёл в дом. В прихожей было полутемно, пахло старым деревом и табачным дымом. Из гостиной доносился голос диктора по телевизору, и Воронов направился на свет.

Дубровин сидел в кресле, держа в руке стакан с чаем. Он был старше, чем на фотографии — морщины глубже, седина гуще, но глаза остались теми же — пронзительными, внимательными, как у хищной птицы. Он смотрел на Воронова без удивления, как будто ждал его.

— Здравствуй, Дмитрий, — сказал он, и голос его звучал спокойно и ровно. — Я знал, что ты придёшь. Рано или поздно.

Воронов остановился напротив него, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна ярости.

— Вы убили моего отца, — сказал он, не скрывая обвинения. — Вы убили моего деда. Вы убивали других людей на протяжении двадцати пяти лет. И теперь вы охотитесь на меня.

Дубровин отпил чай, не торопясь, и поставил стакан на стол.

— Ты не знаешь всей правды, — сказал он. — Твой отец был моим другом. Я не хотел убивать его. Но он слишком близко подошёл к истине. Он должен был остановиться.

— Что за истина? — спросил Воронов, делая шаг вперёд. — Что вы — убийца? Что вы получаете удовольствие от того, что лишаете жизни людей?

Дубровин усмехнулся, и в этой усмешке было что-то жуткое, почти безумное.

— Ты думаешь, я просто убивал? Я делал это ради справедливости. Ради того, чтобы очистить мир от тех, кто не заслуживает жизни. Твой отец понимал это. Он тоже хотел очистить мир, но он боялся признаться самому себе. Он был слаб. А я — нет.

Воронов сжал кулаки, чувствуя, как кровь закипает в жилах.

— Вы — монстр, — сказал он. — Вы не имели права решать, кто живёт, а кто умирает.

— Имел, — ответил Дубровин, и в его глазах мелькнула тень злобы. — Имел точно так же, как ты теперь имеешь право видеть мёртвых. Мы оба — особенные, Дмитрий. Мы видим то, чего не видят другие. Но ты используешь свой дар, чтобы защищать слабых, а я — чтобы избавлять мир от грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.